

Случались и ситуации, которые выглядят достаточно странно в глазах современных людей, привыкших слышать о жандармской работе лишь негативную информацию. В частности, забастовавшие рабочие витебских железнодорожных мастерских отказались разговаривать со своим начальством без присутствия при разговоре жандармского офицера. Именно ему предназначались жалобы рабочих на невыплату заработной платы. Чуть позже вопрос был решен в пользу рабочих, но, обещая разобраться с жалобой, жандарм напомнил бастующим, что своими действиями они не должны помогать врагу. Однако железнодорожники сразу же обратились к жандармскому офицеру, минуя собственное начальство. Вопрос снова был решен в пользу рабочих, но, поскольку проблема возникла в самом конце 1916 г., пользоваться благами повышенной зарплаты рабочие смогли недолго.

В период Первой мировой войны в белорусских губерниях забастовки в основном носили экономический характер, и именно поэтому политическая полиция не предпринимала по отношению к бастующим каких-либо репрессивных действий. Хотя с помощью секретной агентуры выясняла причины и зачинщиков этих акций. Однако именно в связи с участием страны в войне обеспокоенность состоянием политической благонадежности повысилась. Все случаи противоправных действий, которые могли рассматриваться как политические, изначально рассматривались именно так. Только после проведения собственного расследования жандармы делали заключение о направленности деяния.

УДК 351.74(09)

В.А. Данилов

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ДЕТСКИХ КОМНАТ МИЛИЦИИ В БЕЛАРУСИ (1935–1953 гг.)

К середине 30-х гг. XX в. в нашей стране серьезно обострилось положение с правонарушениями среди несовершеннолетних. Уличная беспризорность как следствие революции и гражданской войны была в целом ликвидирована еще в начале 30-х гг. Ей на смену пришли многочисленные проявления девиантного поведения и преступности среди несовершеннолетних, порожденные массовым вовлечением женщин в производство и общественную жизнь, затяжным жилищным кризисом, дефицитом товаров и услуг и др. Ранее созданная система воспитательно-профилактической работы с подростками на базе Наркомпроса работала неэффективно. Н.К. Крупская в записке председателю ВЦИК СССР М.И. Калинину от 3 января 1935 г. отмечала: «Органы народного образования взяли эту работу (общественную заботу о детях. – Прим. авт.) на себя и не справляются с ней».

Начало созданию системы органов противодействия детской и подростковой преступности положило принятое 31 мая 1935 г. постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности». 19 июня 1935 г. аналогичное постановление было принято СНК БССР и ЦК КП(б)Б. Главному управлению рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР было поручено возглавить борьбу с детской преступностью, безнадзорностью и беспризорностью. Милиции поручалось организовать изъятие с улиц беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних, пресекать хулиганские проявления в общественных местах, нищенство, спекуляцию, привлекать к административной ответственности родителей за проступки детей. Сотрудники милиции были обязаны о задержанных детях-учащихся сообщать директорам школ и руководителям предприятий, где работали их родители, для принятия мер морального и административного воздействия.

Для изъятия детей и подростков предусматривалась организация при отделениях милиции комнат привода для детей. Фактически это был прообраз детской комнаты милиции (детские комнаты милиции действовали до февраля 1977 г., когда были преобразованы в инспекции по делам несовершеннолетних. Для работы в комнатах направлялись опытные и выдержанные сотрудники милиции. В дальнейшем система детских комнат доказала свою востребованность, их сеть расширялась, нарабатывался опыт, совершенствовалась структура. Детские комнаты милиции являлись важным структурным элементом в выстраиваемой НКВД – МВД системе подразделений по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью. По сути, они играли роль первичного фильтра при задержании беспризорных и безнадзорных подростков, их регистрации, учете и определении дальнейшей судьбы.

Получила свое развитие и нормативно-правовая база деятельности детских комнат милиции. Правительством и НКВД – МВД был принят ряд документов, определивших меры борьбы с беспризорностью несовершеннолетних. Директивой НКВД СССР от 22 сентября 1942 г. № 403 был установлен штатный состав детских комнатах милиции. Их работники приравнивались к сотрудникам милиции. Приказом НКВД СССР от 12 июня 1943 г. № 0231 были установлены штаты детских комнат милиции в транспортной милиции. Ряд нормативных правовых актов, касающихся деятельности детских комнат милиции появился в послевоенный период. Наиболее расширенным нормативным правовым актом, регламентировавшим их деятельность, была Инструкция о работе детских комнат милиции, утвержденная приказом НКВД СССР от 7 июля 1944 г. № 312. В ней детально расписывался порядок работы, расположение и финансирование детских комнат милиции, порядок работы сотрудников. Детские комнаты создавались при горрайонных и линейных органах милиции, предназначались для приема изъятых из общественных мест беспризорных и безнадзорных детей на время, необходимое для установления причин беспризорности и безнадзорности, последующего их направления родителям или лицам, их заменяющим, либо в соответствующее детское учреждение (приемник-распределитель, детскую колонию и др.). Доставлялись в комнату милиции несовершеннолетние в возрасте до 16 лет, замеченные в драках, азартных играх, бродяжничестве и другом асоциальном поведении.

В разные годы в республике, несмотря на многочисленные распоряжения сверху, сотрудники детских комнат милиции продолжали выполнять свои обязанности в сложных условиях. Проблем было много. На начало 1950 г. в республике было 40 детских комнат милиции: территориальной милиции 24, охраны МГБ на транспорте 16. Из них свои помещения имела 31 комната милиции, в том числе 19 территориальной милиции и 12 охраны МГБ на транспорте. Несмотря на директиву НКВД СССР от 23 ноября 1946 г. № 277 об открытии и оборудовании в кратчайший срок предусмотренных дислокацией детских комнат милиции на железнодорожном транспорте, в 1948 г. из-за нераспорядительности местных властей детские комнаты не были открыты на таких крупных железнодорожных станциях, как Витебск, Орша, Гродно, Лида, Волковыск, не оборудованы и не приведены в надлежащий вид на станциях Полоцк, Молодечно, Могилев. Разумеется, отсутствие надлежащих условий сказывалось на работе сотрудников милиции. Другой проблемой продолжала оставаться нехватка опытных, да и просто штатных сотрудников. Начальники райотделов при

нехватке работников и напряженной оперативной обстановке, особенно в первые послевоенные годы, нередко «заимствовали» сотрудников из детских комнат, считая этот участок работы менее важным. Однако, несмотря на все сложности, сотрудники детских комнат милиции Беларуси проводили большую работу по задержанию и изъятию с улиц, из транспорта и других общественных мест беспризорных и безнадзорных детей. Так, в I квартале 1950 г. ими было задержано 2056 детей, в том числе органами милиции 1002 и органами охраны МГБ на железнодорожном транспорте 1054; во II квартале – 2601 ребенок, в том числе органами милиции 1637 и органами охраны МГБ на железнодорожном транспорте 964.

У руководства НКВД республики вызывала озабоченность ситуация с привлечением активистов. В директиве наркома внутренних дел БССР от 5 июля 1945 г. № 10/1567 отмечалось, что общественность слабо участвует в работе милиции по изъятию беспризорных и беспризорных детей с улиц, их изучению и учету. Для устранения этого недостатка предлагалось развивать связи с общественностью, привлечь к работе комсомол, активистов-родителей и школьных педагогов. Постепенно положение выправлялось. Так, за пять месяцев 1945 г. в городах республики милицией и общественностью было проведено 285 рейдов, в ходе которых задержано 1265 беспризорных и 3294 безнадзорных детей. В I квартале 1950 г. сотрудникам детских комнат в изъятии беспризорных и безнадзорных детей ежедневно оказывали помощь внештатные сотрудники, в том числе 175 комсомольцев, 109 учителей и 94 человека из родительской общественности. Хорошо зарекомендовали себя бригады содействия милиции. В Инструкции об организации и практическом использовании бригад содействия милиции, введенной в действие приказом НКВД СССР от 4 апреля 1946 г. № 084 и аналогичном приказе МВД БССР бригады содействия милиции создавались при участковых уполномоченных, при дежурных по отделениям и при детских комнатах милиции.

Таким образом, можно отметить, что детские комнаты милиции Беларуси за время своего существования внесли значительный вклад в дело борьбы с детской и подростковой безнадзорностью, беспризорностью и преступностью.

УДК 340.1

А.А. Козел

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА Е. ЭРЛИХА

В правоведении сложились такие типы правопонимания, как естественно-правовой, позитивистско-нормативистский (легистский), либертарно-юридический, психологический, антропологический, социологический. Исследование в конце XIX – первой половине XX в. права как социального явления, что и является особенностью социологического типа правопонимания, привело к появлению во второй половине XX в. новой науки – социологии права. Ряд исследователей небезосновательно считают основателем социологии права австрийского юриста Евгения Эрлиха (1862–1922). Совмещая после окончания юридического факультета Венского университета адвокатскую работу с преподавательской, Е. Эрлих обратил внимание, что люди регулируют свои отношения друг с другом, основываясь большей частью на обычном (живом), а не на государственном праве. В 1911 г. в статье «Die Erforschung des lebenden Rechts» он дал развернутое понимание живого права как права, не закрепленного в правовых предложениях.

В 1913 г. вышла книга ученого «Основоположения социологии права», в которой дан критический анализ всей современной ему юриспруденции, сводивший право к государственному праву. Исследовав генезис и эволюцию права с древнего времени до начала XX в. Эрлих заявил, что подлинная юриспруденция может быть только социологической. В своей работе он систематизировал знание о социальной природе права, определил его основные смыслообразующие блоки, подвел научно-методологическую базу под социологическое понимание права, провел научный анализ социальных детерминации права, объяснил механизм ее действия, выявил факторы, влияющие на функционирование данного механизма. Автор перевода на русский язык этой работы М.В. Антонов полагает, что Е. Эрлих этим самым и создал социологию права как научную дисциплину.

Во вступлении к «Основоположениям социологии права» ученый подчеркивает, что центр тяжести развития права в наше время, как и во все времена, не в законодательстве, не в юриспруденции и не в правоприменении, а в самом обществе. В этом, на его взгляд, возможно, и заключается смысл любого основоположения социологии права.

Будучи сторонником социологической концепции О. Конта, Эрлих полагал, что юриспруденция является составной частью науки об обществе – социологии, а социология права является научным познанием права.

По мысли правоведа, основным методом социологии права является наблюдение, с помощью которого могут изучаться юридические факты, судебные решения и правовые доктрины, правовые предложения, в том числе однотипные предложения в контексте разных правовых культур, правообразующие силы общества (социальные процессы, ведущие к созданию и изменению права, властные отношения в обществе, географические, экономические, психологические и иные факторы).

Исследуя роль норм в социальном регулировании, Эрлих делает вывод, что социальные нормы, в том числе и правовые, выполняются не вследствие принуждения, а вследствие риска утратить свое благополучное существование в обществе (союзах). Нарушая норму, человек ослабляет свои социальные связи с ближними, человек поступает согласно праву, потому что к этому принуждают социальные связи. По этой причине правовые нормы не отличаются от других социальных норм. Сами правовые нормы, на его взгляд, необходимо искать не в законодательстве, а в общественных союзах. Союзы считаются правовыми, если они управляются и регулируются правовыми и другими общественными нормами.

Норма – это то, что указывает каждому отдельно взятому человеку его положение, подчиненное или властвующее.

В праве индивид существует только как член бесчисленных союзов, в жизни которых он участвует. Источником права по Эрлиху и являются союзы людей, а не государство. Общественный союз он определяет как множество людей, которые во взаимоотношениях друг с другом признают некоторые правила, определяющие их действия.

Само общество представляет собой совокупность союзов (естественных и искусственных). К естественным союзам правоведа относит род, семью, дом, племя, народ. Человек входит в эти союзы по рождению. Здесь право – это порядок в данном союзе. Естественные союзы выполняют экономическую, религиозную и правовую функции. К искусственным союзам он относит общину, государство, политические партии, профсоюзы, религиозные и хозяйственные объединения и т. д. Здесь право – это вербально выраженные правила, исходящие от стоящего над индивидом властного органа и навязываемые ему извне. Эрлих, чтобы подчеркнуть социальную обусловленность права, отдает предпочтение термину «социальное право», а не просто «право», подразу-